

*Классные
истории*

Арсений СНЕГОВ

Праздник
первого снега

«РОСМЭН»

Классные истории

Арсений Снегов

Праздник первого снега

«РОСМЭН»

2003

Снегов А.

Праздник первого снега / А. Снегов — «Росмэн»,
2003 — (Классные истории)

Девятиклассник Матвей Ермилов, поддавшись уговорам учителя литературы, согласился стать редактором школьной стенгазеты. Он с энтузиазмом взялся за дело и вскоре понял, что это совсем не просто – делать газету, которая была бы интересна всем – и ученикам, и преподавателям. И как быть, если особенно активные члены редколлегии так и норовят подсунуть редактору «бомбу»?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Арсений Снегов

Праздник первого снега

Повесть

Глава 1

В последнее время девятиклассник Матвей Ермилов редко смотрелся в зеркало, потому что знал: ничего хорошего он там все равно не увидит. Лицо у него худенькое, уши, что называется, «топориками», а голова словно приплюснута с боков. Волосы тоже не подарок: светлые вихры растут, как им вздумается, торчат во все стороны, и сколько их ни причесывай – никакого толку! Но это все бы ничего. В конце концов, подумаешь – вихры! Если приспичит, вообще можно побриться наголо. Но вот нос... Его-то куда денешь? Большой, да еще и заостренный на конце, словно клюв хищной птицы! Такое чудо разве спрячешь? Да, с носом Матвею особенно не повезло. Он ведь не только большой, но еще и вечно заложен, так что Матвей постоянно шмыгает им, что, конечно, окончательно портит всю картину.

Вообще-то до какого-то момента Матвею было совершенно безразлично, как он выглядит. Он жил себе, учился, книжки читал, катался на велике, «гасил» уроков разных в компьютерных стрелялках и не парился по таким пустякам, как собственная внешность. Но прошедшей весной все переменялось. В класс, где Матвей учился, пришла новенькая – Маша Копейко.

Машу привела Тереза Дмитриевна, завуч. В восьмом «А» была как раз биология. Да, забыл сказать, что дело было в начале марта. Степашка, учительница биологии, рассказывала у доски что-то про кишечнорастворимых обитателей морских глубин. (На самом деле учительницу звали Светлана Петровна, а Степашкой ее прозвали из-за смешной фамилии – Степашкина.) И тут дверь класса открылась, и появилась Маша. Тереза Дмитриевна, вошедшая следом, сказала:

– Так! – Она всегда начинала разговор с этого слова. – Так, ребята, это – Маша. Она будет учиться в вашем классе. Простите, Светлана Петровна, что помешала... Так. Можете продолжать урок!..

И завуч ушла, оставив новенькую у самой двери. И все, конечно, начали ее разглядывать. Темноволосый, сероглазый красавец Петя Ефимец сказал негромко, как бы самому себе:

– А что? А ничего! – и поправил свою прическу под названием «Смотрите, я – продвинутый пацан!».

А Маша Копейко чуть покраснела и улыбнулась. И тут бедный Матвей понял, что все – он пропал...

– Ну что же ты стоишь, Маша? – спросила Степашка своим русалочьим голосом. – Проходи садись.

И Матвей в первый раз в жизни пожалел, что сидит за партой не один, а со своим другом Савенковым. «Черт бы побрал Савенкова этого!» – подумал тогда Матвей и сам испугался этой довольно злобной мысли, потому что на самом деле он ужасно уважал своего друга Лешку Савенкова. Но теперь ему вдруг очень захотелось, чтобы место, где сидел Лешка, было свободным. Ведь тогда Маша вполне могла бы сесть за одну с ним, Матвеем, парту!.. Но свободное место оказалось только рядом со Степаном Маркухиным – рыхлым, безобидным и чуть заторможенным парнишкой по прозвищу Овощ. Туда-то Маша и села. И открыла учебник биологии.

С тех пор прошло больше полугодя. Начались и закончились весенние каникулы, потом – летние, потом – осенние. Матвей думал сперва, что его дурацкая, никому не нужная, безнадежная и безответная влюбленность в красивую Машу Копейко со временем пройдет и все будет

как прежде. Но влюбленность не проходила. И это обстоятельство очень осложняло жизнь Матвея. В голове его начали появляться разные странные мысли. Он стал думать: ну почему тот же Петя Ефимец вырос таким симпатичным пацаном, а он, Матвей Ермилов, какой-то прямо-таки уродец? Ну где же справедливость? И именно тогда Матвей перестал смотреться в зеркало. Чтоб не расстраиваться лишний раз...

Кстати, именно ради справедливости надо заметить, что никаким уродцем Матвей вовсе не был. Наоборот, было в нем много привлекательных черт. Например, глаза. Хоть и не слишком большие, но зато живые и умные, очень необычного цвета: зеленоватые с коричневыми крапинками. И еще у Матвея была очень славная улыбка, добрая и открытая. Да и сам он хоть и худенький, но крепкий и стройный паренек. Но, влюбившись в Машу Копейко, Матвей почему-то стал считать себя непонятной ошибкой природы, что было явной чушью. Вот и получается, что влюбленность не всегда на пользу идет, хотя в книгах пишется об обратном...

И еще вот что интересно. О том, чтобы просто взять да подойти к Маше и пригласить ее в кафе или в театр, и речи быть не могло. Матвей даже думать боялся об этом. Он не сомневался, что, если бы он даже и решился на такое, Маша просто назвала бы его психом. И послала бы куда подальше...

Однако довольно предисловий. Пора переходить к тем драматическим событиям, что развернулись в школе после коротких осенних каникул, незадолго до новогодних праздников. И немалую роль в этих событиях сыграл как раз девятиклассник Матвей Ермилов...

Все началось во время урока литературы. Кстати, из всех предметов Матвею больше всего нравилась именно литература. И еще история. Историю Матвей любил потому, что мама его, обожавшая исторические романы, старалась и сына с детства к ним приобщить. И Матвей постепенно тоже вошел во вкус – в итоге прочел все книги на исторические темы, какие только были в доме, включая толстенную «Юность короля Генриха Четвертого». И к восьмому классу Матвей своей исторической эрудицией настолько запугал пожилую тихую историчку Элеонору Николаевну, что та старалась пореже вызывать его к доске, чтобы урок не превратился в сплошной спектакль с Ермиловым в главной роли...

Литературу же Матвей любил совсем по другой причине. Этот предмет вел молодой учитель Егор Андреевич, и делал это так здорово и интересно, что даже на перемену с урока уходить не хотелось...

Глава 2

Урок был посвящен творчеству Пушкина. Но когда речь зашла о газете «Северная пчела», с которой одно время сотрудничал великий поэт, учитель вдруг спросил:

– А, кстати! Кто-нибудь может нам поведать, кто был издателем и, как бы сейчас сказали, главным редактором этой знаменитой газеты? – И, поскольку весь класс молчал, Егор Андреевич добавил: – Ну, неужели никто не знает? А ведь этот человек был очень известен в литературных кругах того времени! А, Ермилов хочет ответить? Ну давай, Матвей, скажи!

– Газету «Северная пчела» издавал Фаддей Булгарин, известный литератор и публицист, – с места произнес Матвей. (На уроках литературы учитель разрешал отвечать на вопросы вот так, не вставая.)

– Правильно, – подтвердил Егор Андреевич. – Именно Фаддей Венедиктович Булгарин. А что ты про него еще знаешь?

– Вообще, – шмыгнув по привычке носом, не очень уверенно продолжил Матвей, – Булгарин этот неважную имел репутацию.

Он сотрудничал с тайной полицией. И даже писал доносы на Пушкина...

– То есть был изрядным подлецом! – попытожил учитель.

– Однозначно! – согласился Матвей.

Егор Андреевич довольно ехидно улыбнулся:

– В истории литературы, как и в жизни вообще, Матвей, очень трудно утверждать о чем-то однозначно. К примеру, тот же Булгарин написал прекрасную книгу о Грибоедове, которому, кстати, был очень предан. И потом... Представь, сколько организаторского таланта и, не побоюсь сказать, мужества надо было иметь, чтобы взяться за такое сложное дело – издание газеты в России девятнадцатого века!

– Неужели мужества? – с иронией переспросил Матвей. – Что же в этом занятии такого... опасного? Это ж не сапером работать!

– То есть ты считаешь, что издавать газету очень просто? – Егор Андреевич смешно округлил глаза и сделал брови домиком. – Просто, да?

– Ну а чего там сложного? Издатель сам же не пишет! Пишут другие, а издатель, он...

Матвей запнулся, не закончив фразы. По правде сказать, он понятия не имел, чем на самом деле занимается издатель газеты.

А Егор Андреевич сказал, обращаясь ко всему классу:

– До конца урока у нас есть время. И я хочу рассказать вам о странной, противоречивой, полной резких поворотов судьбе российского публициста, литератора и издателя Булгарина. Фаддей Венедиктович Булгарин родился в Минской губернии, в польской семье. Его отец принимал участие в польской революции и убил генерала Воронова, за что был сослан в Сибирь...

Рассказывал Егор Андреевич очень хорошо. Но Матвей не мог сосредоточиться на том, о чем говорил учитель: он снова думал о Маше... Со своего места, чуть повернув голову, он мог видеть милый профиль девушки. Казалось, Маша внимательно слушала рассказ Егора Андреевича. Но вдруг она, будто что-то почувствовав, неожиданно повернула голову в сторону Матвея. Взгляды их встретились, и Матвей, смутившись, быстро отвел глаза...

А когда прозвенел звонок на перемену, Егор Андреевич вдруг спросил, обращаясь к Ермилову, который уже устремился было в коридор вслед за одноклассниками:

– Матвей, ты не мог бы задержаться на минуту?

– Мог бы... – ответил парнишка, недоумевая: зачем это он понадобился учителю?

– Садись... – Егор Андреевич указал глазами на парту прямо перед своим столом.

Матвей присел и приготовился слушать. Но учитель не спешил начинать разговор. Он встал, подошел, опираясь на палочку, к двери и прикрыл ее поплотнее. Потом, прихрамывая, вернулся на свое место, опустился на стул, прислонил свою трость к стене и улыбнулся Матвею:

– Это чтобы нам не помешали...

Все в школе знали, что Егор Андреевич стал хромать после перенесенного в детстве полиомиелита. Но поскольку сам учитель всегда старался выглядеть бодрим и веселым, а к своему недугу относился как-то несерьезно, можно даже сказать с юмором, то ни у кого при виде Егора Андреевича никогда не возникало мысли, что вот, мол, идет несчастный инвалид, которого надо бы пожалеть... Наоборот, все школьники привыкли, что именно молодой учитель литературы всегда готов прийти на помощь каждому, с кем случится беда. Ведь именно Егор Андреевич заступился на педсовете за семиклассника Артема Косухина, когда того хотели исключить из школы за прогулы. Егор Андреевич тогда провел целое расследование и выяснил, что прогуливал-то Артем вовсе не из-за лени. Оказывается, его несправедливо обвинили в краже денег из сумочки учительницы. Деньги вскоре нашлись, но Косухин от обиды поклялся, что в школу он больше – ни ногой... Тогда, разобравшись, директор решил не выгонять Артема. И даже попросил Калерию Викторовну, учителя математики, ту, что сгоряча обозвала Артема воришкой, извиниться перед парнем... Но не об этом сейчас речь.

Итак, учитель улыбнулся Матвею и сказал:

– Знаешь, Матвей, я давно мечтаю, чтобы в нашей школе выходила собственная газета и чтобы делали ее сами школьники. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Матвей кивнул: мол, чего ж тут непонятного?

– Но возникла проблема, – продолжал Егор Андреевич. – Не все мои коллеги-педагоги, к сожалению, оказались готовы к тому, что у ребят будет собственный печатный орган, где они смогут открыто обсуждать все, что в школе происходит...

Матвей снова понимающе кивнул. Ему было приятно, что учитель беседует с ним так откровенно.

– Но теперь, к счастью, все улажено. Директор дал «добро» и можно наконец приступить к делу...

Учитель замолчал и, заложив руки за голову, откинулся на спинку стула. Матвей понял, что Егор Андреевич ждет от него вопроса. И произнес:

– Это здорово, наверное, – своя газета... Но я-то здесь при чем? Или вы хотите, чтобы я писал туда статьи на исторические темы?

– Я хочу, – ответил Егор Андреевич, – чтобы ты, Ермилов, это дело возглавил!

– Я?! – изумился Матвей. – Почему именно я?...

Они беседовали всю перемену. Егор Андреевич рассказывал, какой он видит будущую школьную газету:

– Понимаешь, это не должно быть серенькое такое издание, посвященное только проблемам учебы. Там должен быть и юмор, и приколы разные... Хотя без серьезных тем тоже не обойтись. Ну вот, например, тебе нравится, как вас кормят в нашей школьной столовой?

– Ну, когда как... – пожал плечами Матвей. – Иногда очень вкусно. А бывает, такое дадут, что и в рот не возьмешь...

Егор Андреевич оживился:

– Все правильно! Именно – в рот не возьмешь! Ну, вот тебе и повод для журналистского расследования!

– Почему расследования? – не понял Матвей. – Можно ведь без всякого расследования – просто взять да написать такую, типа, статью, что, мол, в столовой кормят отравой... И пусть директор примет меры!

Учитель пожал плечами:

– Это было бы слишком просто. Задача журналиста – не только указать на проблему. Настоящий журналист всегда старается докопаться до сути: отчего, собственно, эта проблема возникла? – И, видя, что Матвей не совсем его понимает, Егор Андреевич добавил: – Ну ты же сам сказал, что не всегда в столовой кормят невкусно. Ведь часто бывает, что очень даже вкусно!

– Ну да... – Матвей все никак не мог понять, куда клонит Егор Андреевич.

– А тебе разве не интересно разобраться, отчего так происходит? То хорошо готовят, а то вдруг – плохо...

– Интересно... Наверное.

– Ну вот и разберись! Сходи в столовую, пообщайся с персоналом, расспроси... А уж потом пиши статью! Ну что, убедил я тебя?

– Вроде... – кивнул Матвей. – Так вы что, хотите, чтобы эту всю газету я один писал?

Егор Андреевич рассмеялся:

– Ну, во-первых, это просто нереально! А во-вторых, такая газета вряд ли получится интересной!

– Почему? – немного обиделся Матвей. – А если я интересно напишу? Вдруг я талантливый?

– Талантливый ты или нет – это другой вопрос! Понимаешь, газету будут читать совершенно разные люди. И каждый должен найти в ней хотя бы одну статью, читая которую, подумал бы: «Во-во, правильно написано! Как будто автор мои мысли угадал!» А для этого работать в газете должны самые разные авторы, и чем больше их будет – тем лучше.

Когда до начала следующего урока оставалось совсем чуть-чуть, Егор Андреевич отпустил Матвея, сказав напоследок:

– Ну ты подумай денек... Если согласен взяться за это дело, завтра мне скажешь, и мы обсудим все поподробнее.

Матвей попрощался и вышел из класса. Следующим был урок геометрии. И, уже садясь за парту, Матвей вспомнил, что Егор Андреевич так и не ответил на вопрос: почему стать главным редактором новой газеты учитель русского языка и литературы предложил именно ему, девятикласснику Матвею Ермилову?

Глава 3

После уроков Матвей отправился домой, но не один, а вместе со своим другом Лешкой Савенковым. Дело в том, что именно сегодня у ребят был запланирован принципиальный футбольный матч, который должен был выявить победителя серии. До сих пор ребята сыграли двенадцать раз, и счет был равный: шесть – шесть.

– Мой «Реал» сегодня в отличной форме, – заявил по дороге Лешка. – Так что каюк твоему «Ливерпулю»! Пусть лучше заранее сдаются!

Матвей усмехнулся:

– Ну-ну, посмотрим...

Наспех проглотив обед, который мама Матвея, как обычно, оставила на плите, друзья с джойстиком в руках уселись перед монитором. Матвей вставил диск, и матч начался...

Первым забил гол Леха. Его Роберто Карлос, игрок «Реала», пройдя по своему левому флангу, навесил в штрафную, а набежавший Рауль точно пробил в верхний угол.

– Ну вот, что я говорил! – воскликнул Леха, возбужденно моргая. Его простодушная, упитанная физиономия прямо-таки светилась от радости.

Искоса взглянув на друга, Матвей процедил сквозь зубы:

– Подумаешь, один гол забил паршивый, а счастья-то... – и еще яростней стал нажимать на кнопки.

Время от времени он шептал сквозь зубы: «Ну давайте, давайте же!» – подбадривая таким образом своих виртуальных игроков. И вот, будто услышав его, играющий за «Ливерпуль» Эмиль Хески отправил мяч, полученный от защитника, вперед – на ход Оуэну. И тот, выйдя один на один с вратарем, мощным ударом сравнял счет.

– Ну вот! Это другое дело! – удовлетворенно произнес Матвей.

– Блин! – Леха выглядел огорченным. – Ну ничего! Времени еще полно! – Он все-таки надеялся на удачу.

Но выиграл Матвей. Буквально на последней минуте встречи защитник его «Ливерпуля» подал угловой – и тут же, в красивом прыжке, Оуэн пробил головой в левый нижний угол. И сразу после этого раздался финальный свисток.

– Шикарный голешник! Все-таки Оуэн – классный нападающий! – заявил Матвей.

Его приятель нехотя согласился:

– Да, красивый гол...

– Ладно, Леха, не расстраивайся! – Матвей примирительно похлопал друга по плечу. – Следующую серию обязательно ты выиграешь! Если потренируешься немного...

Но расстраивался Леха ровно до тех пор, пока Матвей не извлек из холодильника половину бисквитного торта.

– Будешь?

– А то! Мог бы и не спрашивать... – Леха удивленно уставился на друга. – Надо же калории потерянные возместить...

– А чего это тебя Андреич после урока сегодня оставлял? – поинтересовался вдруг Леха, управившись с третьим куском торта.

– Во, хорошо, что напомнил, – обрадовался Матвей. – Мне ж завтра надо ответ ему дать.

– Какой еще ответ? – не понял Леха.

– Да тут такое дело...

И Матвей рассказал приятелю о том неожиданном предложении, что сделал ему учитель литературы.

– А завтра, – закончил свой рассказ Матвей, – я должен точно Андреичу сказать, берусь я за газету или нет.

– Так чего тут думать! – убежденно произнес Леха. – Конечно, берись, Ермилыч! Прикольнo же! Ну прикинь: вот начнет в школе выходить своя газета, и все будут знать, что ее главный редактор – Матвей Ермилов из девятого «А»! Разве не круто?

– Круто, конечно, но... – Матвей сам не мог понять, почему не разделяет оптимизма друга. – Но что-то страшновато мне... Дело-то для меня новое совсем! Не знаю, получится ли...

– Ха! Он не знает! – Леха скорчил смешную гримасу. – Чего тут знать-то? Ты, главное, начни... Сам прикинь: ну чего ты теряешь? Если не получится, скажешь: «Ну, не шмогла...» Чего тебя, съедят, что ли?

«И правда, – подумал Матвей. – Ну что я теряю? Если не пойдет дело, ведь всегда можно отказаться! И ничего ужасного в этом нет!»

И на следующий день Матвей решительно заявил Егору Андреевичу, что он согласен.

– Вот и отлично! – обрадовался учитель. – Теперь вот что. Я с директором договорился насчет помещения для редакции. Пойдем, глянешь!..

Помещение очень понравилось Матвею. В небольшой комнатенке, бывшей лаборантской, был поставлен старенький письменный стол. На столе – компьютер с принтером. Несколько стульев, также далеко не новых, довершали скромную обстановку.

– Техника, конечно, та еще... – Егор Андреевич провел ладонью по монитору. – Но для того чтобы начать, этого хватит...

– Да что вы, все отлично! – Матвей действительно был в восторге. – А это что? Ксерокс?

– Это сканер! – объяснил учитель. – Тоже, конечно, не новый. Я его из дому привез...

– Класс! – Матвей присел за стол, придав лицу серьезное, деловое выражение. – Ну как, похож я на настоящего главного редактора?

– Копия! – не раздумывая, воскликнул Егор Андреевич.

И Матвей, довольный, рассмеялся...

Глава 4

С чего начинается новая газета? Конечно же с названия! Матвей прекрасно это понимал. Целых два дня он ломал голову, так и этак перебирая разные сочетания слов. Но так и не придумал ничего стоящего.

– А ты с ребятами поговори! – сказал Матвею Егор Андреевич, когда тот пришел к учителю за советом. – Я тут тебе как раз списочек подготовил. – И он протянул Матвею листок. – Здесь все наши школьные таланты. Ну, по крайней мере, те, кого я знаю. Да и ты многих из них знаешь по литературному семинару.

Матвей взял список и начал читать вслух:

– Ермакова Наталья. Знаю, она в девятом «Б» учится. Мишка Фрид. Этот из одиннадцатого, по-моему... Так, Беспалов Петр... Это кто ж такой?

– Он из восьмого «А», – ответил Егор Андреевич. – Способный паренек! Правда, стеснительный очень. Так что ты, Матвей, сильно на него не дави. А то он в себя уйдет, и тогда ты слова из него не выжмешь...

– Ясно. – Матвей двинулся по списку дальше. – Ленка Стасова... Ну, эту я знаю. Копейко... Маша Копейко?!

– Ну да, а что тебя так удивляет? – Андрей Егорович с недоумением взглянул на Матвея. – У Маши хороший слог, и вообще она грамотная, неглупая девочка... Или ты против?

– Да нет, что вы, Егор Андреевич, я – за! – с горячностью воскликнул Матвей.

Возможно, даже с излишней горячностью. Потому что учитель как-то странно взглянул на Матвея, еле заметно улыбнулся и сказал:

– Ну вот и хорошо. Так что собирай после уроков свою команду – и вперед! Как только придумаете название, тут же обсуди с ребятами, какие материалы будут в первом номере, с какой периодичностью и каким тиражом газета будет выходить. Ну и так далее. И не забудь про оформление! Внешний вид для нового издания – далеко не послед нее дело!..

Первое собрание редакции пока еще безымянной газеты получилось бурным. Когда все ребята собрались в кабинете русского языка и литературы, Мишка Фрид, рослый вальяжный брюнет с пухлыми губами, смешным девчоночьим «хвостиком» на затылке и серьгой в ухе, сказал, томно растягивая слова:

– Ну хорошо, вот мы тут собрались... Ермилов говорит, будем делать газету... И он, типа, будет у нас главным... Так вот я и спрашиваю... – И Мишка надолго замолчал, погружившись, очевидно, в свои мысли.

Первой не выдержала Саша Авилкина, мелкая и вертлявая, словно обезьянка, девочка из восьмого «А» класса:

– Так чего ты спрашиваешь?

– Чего спрашиваю? – вышел из транса Фрид.

– Тебе виднее! Ведь это ты спрашиваешь! – обиженно поджав губы, произнесла Авилкина.

– Вилка, да не суетись ты! – Мишку было трудно сбить с толку. – Я спрашиваю: кто, собственно, дал полномочия этому... э-э-э... Ермилову, чтобы он нами тут командовал?

– Хочешь – сам командуй! – не выдержал Матвей. – Просто я обещал Малышеву (это была фамилия Егора Андреевича), что сегодня мы придумаем название. И обсудим, каким будет первый номер.

– А, так Егор Андреевич в курсе? – поморгав длинными ресницами, произнес Мишка.

– Ты вообще, Миша, где витаешь? – Это подала голос Маша Копейко. – Матвей же сразу сказал, что это Егор попросил его быть главным! Ты что, хочешь кого-нибудь другого предложить?

– Да ничего я не хочу... – пробурчал Фрид. – Просто спросил. А вообще мне до балды: Ермилов так Ермилов...

Матвей взглянул на Машу с благодарностью: как ловко она осадил этого заносчивого Мишку Фрида!

Тут снова вступила в разговор энергичная Авилкина:

– Ну так чего, Матвей? Мы тут что, просто потусоваться собрались? Тогда я пошла: у меня на тусовки времени нет! – И Саша, решительно поднявшись, схватила свой рюкзачок.

– Никто никуда не пойдет, пока мы все не решим! – твердо произнес Матвей.

Его первоначальная растерянность прошла без следа. «Надо эту компанию сразу прибрать к рукам! Иначе потом поздно будет!» – подумал он и уселся прямо за учительский стол – туда, где сидел обычно Егор Андреевич.

– Короче. Как нам назвать нашу школьную газету? Предлагайте все по очереди!

– «Школьные вести»! – предложила Авилкина.

– Фу, как банально! Полный отстой! – скривился Мишка Фрид.

– Тогда сам предлагай! – снова поджала губы Авилкина.

– Предлагаю. Пусть газета называется «Удоды и дятлы».

– Как?! – удивленно переспросил Матвей. – «Уроды и дятлы»?

– Не «Уроды и дятлы», а «Удоды и дятлы». – Мишка свысока взглянул на Матвея. – Я, конечно, понимаю, это не для средних умов... Но могу пояснить. Все ученики вообще-то делятся на две основные категории: на «удодов» и на «дятлов». «Удод» – это такой, типа, разгильдяй. А «дятел» – это зубрила и отличник, который только и делает, что долбит, долбит гранит науки, и ничего больше вокруг не видит.

– А что? Прикольно! – улыбнулась симпатичная Лена Стасова.

– А главное – оригинально! – заявил довольный собой Фрид.

– А ты, Миша, сам-то кто? – не выдержала Авилкина. – Удод или дятел?

– Разумеется, я – типичный удод! – не без гордости ответил Мишка. – А вот ты, Вилка, натуральная дятлиха!

– Ох, врезала бы я тебе рюкзаком этим по тылке твоей... – мечтательно произнесла Авилкина. – Но врожденная воспитанность не позволяет...

– А ну, кончайте базар! – цыкнул на ребят Матвей.

Те сразу примолкли. А Маша Копейко взглянула на Матвея так, словно увидела его впервые: внимательно и серьезно. И даже вроде бы с уважением. И от этого взгляда у Матвея гулко-гулко забилось сердце и стало щекотно где-то в животе. Кое-как собравшись с мыслями, он произнес:

– Ну хорошо. Пока оставим «удодов» как вариант. Еще будут предложения?

И поскольку все молчали, Матвей обратился к толстенькому пареньку в очках, скромно сидевшему где-то позади всех:

– Ну вот ты... Да, да, ты! Беспалов! У тебя есть какие-нибудь мысли?

– Есть... – еле слышным голосом сообщил паренек.

– Ну так давай, говори!

Покраснев и насупившись, Беспалов выдавил из себя:

– Супер!

– В каком смысле – супер? – не понял Матвей. – Это ты вообще о чем?

Беспалов еще больше покраснел и заерзал на стуле. Потом он что-то еле слышно прошептал и, отвернувшись, уставился в окно.

– Это он так предлагает газету назвать – «Супер!» – предположила Саша Авилкина.

Стеснительный толстяк Беспалов кивнул и неожиданно добавил басом:

– Вот именно! – после чего замолчал, как показалось Матвею, навсегда.

– А что? Неплохо! – заявила симпатичная Лена Стасова.

– Да уж, получше, чем «Школьные вести»! – поддержал ее Мишка Фрид.

– Лен, ну а ты что предложишь? – Это Матвей обратился к Стасовой, своей однокласснице.

– Ну я не знаю... – ответила Лена. – Может, назовем газету «Веселый калейдоскоп»?

– А может, «Веселая карусель»? Или сразу уж «Чебурашка»? – съехидничал Мишка Фрид.

Все, кроме Лены Стасовой, засмеялись, даже стеснительный Беспалов.

Матвей вздохнул. Он подумал, что решение вопроса с названием слишком уж затягивается. И тут услышал голос Маши Копейко:

– «Большая перемена»!

– Какая перемена! Проснись, подруга! – Это снова встрял Мишка Фрид. – Уроки давно закончились!

– Это такое название! – пояснила Маша. – Пусть газета называется «Большая перемена»!

Еще фильм такой был, старый...

Предложение неожиданно понравилось всем. Или, может быть, ребята просто устали. Так или иначе, но вопрос с названием был решен.

Глава 5

Закрывшись после уроков в редакторской комнатке, Матвей набирал вступительную статью, с которой должен был начинаться первый номер газеты «Большая перемена». После полутора часов мучений на экране монитора возник наконец текст статьи, который Матвей теперь не без удовольствия перечитывал.

«Друг, приколись! Ты держишь в руках первый номер нашей школьной газеты. С этого дня она будет выходить еженедельно, то есть каждую пятницу в ящике возле стола охранника будут лежать свежие номера. А рядом будет другой ящик, с прорезью. В него ты сможешь опустить письмо или записку с вопросом газете. Можно также опускать стихи, рассказы, рисунки и тому подобное. Мы постараемся ответить на все вопросы и будем публиковать работы школьников, но не все, а только лучшие. До новых встреч!

Главный редактор Ермилов Матвей»

В дверь постучали. Матвей поспешил открыть. В комнату стремительно ворвалась Саша Авилкина с листком в руке:

– Вот, принесла статью, как и обещала!

Матвей взял в руки листок, исписанный таким же, как сама Авилкина, мелким и вертлявым почерком. Статья называлась «Всегда ли правы преподавы?». И дальше:

«Нам внушали с детства, что взрослые всегда правы. Так ли это? Ведь если человек старше тебя, это не всегда значит, что умнее. Ну, например. Если взрослый говорит, что ты обязательно должен прыгнуть в высоту на один метр, а при этом росту в тебе самом только полтора метра, то этот взрослый какой? Очень, что ли, умный? Не факт. Скорее, наоборот. И еще, есть же всякие жулики там и другие не очень хорошие люди. Это я не учителей имею в виду, а вообще. Их что, тоже надо уважать и слушаться? Поэтому я считаю, что учителей, конечно, надо уважать, но не за их возраст, потому что возраст далеко не каждому на пользу идет, а если у них видны реальные достоинства: ум, справедливость, честность и так далее».

– Ну, как статья? Хорошая? – Авилкина в упор уставилась на Матвея своими маленькими и блестящими, как у мышонка, глазками.

– Прикольная... – осторожно ответил Матвей. – Только, Саня, знаешь что...

– Что? – насторожилась Авилкина.

– Ты вот тут про прыжки в высоту пишешь. Получается, что ты как бы через газету счеты с Антоном сводишь. Видно, вlepил он тебе на физре пару, ты обиделась – и такое вот написала...

– Ничего я не свожу ни с кем! – затараторила Авилкина. – Ну, вlepил он мне пару, так что? Я же пишу это для примера, понимаешь? Для при-ме-ра!

– Ну хорошо... – Матвей задумчиво шмыгнул носом, почесал в затылке. – Статью твою я в газету возьму. Но сначала покажу ее Егору Андреевичу. Согласна?

– Так покажи, кто спорит? – Авилкина всплеснула тонкими ручками. – Увидишь, Егору статья понравится, потому что он как раз умный. В отличие от некоторых других преподавов, которым плевать, здоровая ты или только после гриппа пришла!

«Да, видно, здорово Санька на физрука обиделась! – подумал Матвей. Статья Авилкиной особого восторга у него не вызвала. Но он вспомнил слова Егора Андреевича о том, что в газете

должны быть представлены самые разные мнения. – Ладно, покажу Малышеву, а там видно будет!» – решил Матвей.

Авилкина умчалась. И тут же в комнату робко вошел Беспалов Петр из восьмого «А».

– А, Беспалов! Здорово! – Матвей протянул толстяку руку.

– Здравствуй... – пробурчал Беспалов. Ладонь у него была мягкой и теплой. – Вот, принес... – Он полез в сумку и, покопавшись в ней, извлек на свет изрядно помятую бумажку.

Оказалось, что Петр принес стихи. Матвей быстро пробежал стихотворение глазами, и оно ему неожиданно понравилось:

Осенью вороны молчат, не каркают.
Знаете, отчего?
Они печалются из-за того,
Что кончилось лето жаркое
И скоро будет зима и стужа
И кто-то из них, может, станет простужен,
Вороны ведь тоже болеют!
Я этих ворон жалею.
Им хлебные корки и сырные крошки
Я положу на скамейку
И послезу, чтоб собаки и кошки
Трогать ворон не смели!

Матвею сразу представилось, как на осенней пожухлой траве сидит компания таких вот молчаливых, печальных ворон. Они сидят и смотрят, как Петр Беспалов кладет на скамейку сырные крошки, и думают: «Это он что, для нас?...»

– Отличные стихи, Беспалов! – похвалил Матвей.

– Правда? – улыбнулся тот. – Здорово... Только знаешь что?

– Что?

– Не зови меня Беспаловым! А то мне все время кажется, что это учитель меня к доске вызывает...

– А как же прикажешь тебя звать? – удивился Матвей.

– А вот в классе все зовут меня Безухычем, – сообщил Беспалов. – Потому что я на Пьера Безухова похож, из «Войны и мира». Так однажды Егор Андреич сказал, и меня после этого сначала прозвали Безуховым, а потом уже Безухычем почему-то стали звать...

– Ну, лады! Тогда и я буду звать тебя Безухычем! – улыбнулся Матвей.

Потом Лена Стасова принесла свой рассказ про школьную любовь. Рассказ был длинным и печальным. Там говорилось про одну девочку, которая полюбила одноклассника, а тот оказался очень больным. И в течение всей этой истории было не ясно: выживет тот мальчик или нет? Героиня, которую звали Аня Полонская, всю дорогу плакала, а потом, когда мальчик все-таки умер, тоже попыталась что-то с собой сделать, но врачи ее спасли.

Матвей рассказ взял, но честно предупредил, что его, видимо, придется сократить.

– Нельзя рассказ сокращать! – заявила Лена. – Тогда весь смысл сократится!

– Тогда, может, у тебя есть другой рассказ, покороче?

Лена пообещала принести другой рассказ.

– Там про одну девочку, как она мечтала стать моделью и пошла на курсы, а курсы оказались «липовые», и все ее мечты рухнули... Очень поучительная такая история!

– Ладно, неси про мечтательную девочку! – вздохнул Матвей.

Он начинал понимать, насколько работа главного редактора газеты не сахар...

И вот когда Матвей уже собрался было уходить, пришла Маша Копейко.

– Привет, Ермилов! – сказала она.

– Так здоровались же... – пробурчал Матвей, которому почему-то вдруг стало очень жарко. – Утром еще...

– Правда? – спросила Маша. – Ну и что? Можно ведь и еще раз поздороваться!

– Тогда – привет! – ответил Матвей.

– Как дела с газетой?

– Нормально...

– А я вот тоже принесла кое-что. Не знаю, рассказ не рассказ, да и не статья вроде. Так, мысли разные...

– Давай. Посмотрю прямо сейчас.

– Нет, ты лучше это дома почитай. Хорошо?

– Ну, хорошо...

Из школы они вышли вместе. И как-то так само собой получилось, что Матвей отправился провожать Машу до ее дома.

– А ты, оказывается, совсем не такой, каким кажешься, – сказала вдруг Маша.

– Ну и какой я? – Матвей старался идти помедленней, чтобы дорога заняла побольше времени.

– Ну... Ты со стержнем внутри!

– С каким еще стержнем?

– Как тебе объяснить... Есть люди – как пластилин: из них все время что-то лепят окружающие. А сами они собственной формы не имеют. Они такие... бесформенные.

– А я – не бесформенный? – усмехнулся Матвей.

– Ты – не бесформенный... – ответила Маша с какой-то особой интонацией в голосе.

И эта интонация вызвала в Матвее странное ощущение: как будто он падает куда-то, в какую-то бездну, но не страшную, а теплую и обволакивающую. И он не нашел ничего лучше, как сказать:

– А зато ты – очень красивая!

Маша ничего не ответила, но Матвею показалось, что девушка чуть улыбнулась краешками губ...

Они шли через осенний сквер. Толстые липы, уже потерявшие почти все свои листья, стояли вокруг. Было пасмурно, но совсем не холодно. Ребята присели на скамью. Матвей заметил ворону, сидящую на ветке дерева.

«Очень грустная ворона! – подумал Матвей. – Наверное, она думает о предстоящей зиме!»

– Хочешь, стихи прочту? – спросил Матвей.

– Прочти! – Маша взглянула на него искоса. – А чьи стихи? Твои?

– Нет, к сожалению... Я стихов писать не умею. Это Безухыча. То есть Пети Беспалова. Помнишь, толстенький такой восьмиклассник?

– Ага, помню. Смешной, в очках. И все время смущается.

– Во-во. А стихи такие...

И Матвей прочел Маше наизусть стихотворение – ну то, про ворон.

Некоторое время девушка молчала. А потом произнесла:

– Хорошие стихи.

Матвей сказал:

– Я тоже считаю, что хорошие. Только никак не могу понять – что в них такого? Ну почему они кажутся хорошими? Вроде не очень складные, да и тема – вороны какие-то...

Маша улыбнулась:

– В этих стихах есть любовь...

– Любовь? – с недоумением переспросил Матвей.

– Ну да! Разве ты сам не чувствуешь?

– Любовь к природе, что ли? – Матвей никак не мог взять в толк, о чем говорит девушка.

Маша встала со скамейки:

– Ну, и к природе тоже. Но не только. Вообще любовь. Не знаю, как это тебе объяснить.

Ну, пойдём?

Когда они подошли к дому, где жила Маша, девушка сказала:

– Вот в этом доме я живу. Квартира восемьдесят. Если как-нибудь надумаешь, можешь в гости зайти.

«А можно зайти прямо сейчас?» – хотел было спросить Матвей, но подумал, что таким напором может разрушить только-только возникшие между ними дружеские отношения. Или более чем дружеские?

Он сказал с вопросительной интонацией:

– Ну, пока?

– Пока... Спасибо, что проводил. Да, знаешь что? У тебя есть мой телефон?

– Откуда? – удивился Матвей. – Мы же с тобой не общаемся особо... В смысле – раньше не общались...

– Тогда запиши! – Маша продиктовала ему номер.

А потом ушла. Матвей, чуть постояв, тоже отправился домой. Войдя в квартиру, он понял вдруг, что больше не будет бояться смотреть на себя в зеркало. Потому что с этого дня он перестал казаться себе нелепым уродцем... Он был просто нормальным парнем, и при этом – со стальным стержнем внутри.

Глава 6

Матвей уже в третий раз перечитывал тетрадку, которую принесла ему Маша Копейко. Там действительно были не рассказы и не статьи. Скорее, это можно было назвать «мысли вслух».

«Когда я была маленькой, я страстно мечтала о велосипеде. Но родители не спешили мне его дарить: им казалось, что велосипед – это слишком опасно для ребенка. Из-за своей несбыточности моя мечта о велосипеде переросла в манию. Я стала думать, что вот, появившись у меня свой велосипед – сияющий, с красивым рулем и никелированными спицами, то счастливей меня на свете человека не будет. Когда мне исполнилось двенадцать, папа подарил-таки мне двухколесный велосипед – именно такой, о каком я мечтала. И два дня я была совершенно счастлива. А потом один мальчик, который мне тогда нравился, увидев меня на новом велосипеде, засмеялся и сказал, что я – ногастая уродина. Больше я на велосипед не села. Так он и стоял в углу, забытый, пока не подрос мой младший брат...

Я думаю, что все люди в душе хотят одного – чтобы их любили. Только некоторые стесняются об этом говорить вслух, потому что боятся, что их засмеют. И бывает, что такие люди от обиды, что их никто не любит, становятся очень злыми и совершают разные ужасные поступки. Но в душе они все равно надеются: а вдруг кто-нибудь их все-таки полюбит? Они обещают в душе, что станут тогда другими. Добрыми и хорошими. Но если все-таки это происходит и находится кто-то, кто полюбит такого ожесточившегося человека, тот может по инерции все равно остаться злым. Потому что быть добрым он уже разучился...»

Перечитав дневники Маши – а было ясно, что это именно дневники, – Матвей задумался. Ему почему-то очень не хотелось, чтобы эти записки, такие откровенные и трогательные, прочел еще кто-нибудь, кроме него. Ему казалось, что тогда Маша станет чуть-чуть принадлежать каждому, кто прочтет эти строчки. А Матвею хотелось, чтобы Маша Копейко принадлежала только ему. Он понял, что раньше был просто влюблен в эту красивую девочку, а вот теперь начинает любить ее по-настоящему. Он снял телефонную трубку и набрал номер.

Маша согласилась с ним, что для школьной газеты ее записки вряд ли подойдут.

– Я понимаю, да... Это не совсем то, что надо, так – мысли, воспоминания... Просто у меня сейчас больше нет ничего готового. Но тебе-то понравилось?

– Очень! – искренне сказал Матвей. – Я и не знал, что ты – такая... – Он запнулся, не в силах найти определение.

– Такая зануда, да? – Было слышно, как Маша засмеялась.

– Никакая не зануда! Как тебе в голову пришло?! – Матвей почти рассердился. – Наоборот, ты очень интересный человек!

– Спасибо! – Теперь Машин голос звучал серьезно. – Я рада, что ты так думаешь. Ну, тогда пока? А то мне еще уроки делать!

– Пока... – Матвей повесил трубку.

Он теперь точно знал, чего хотел: поскорее стать совершеннолетним и жениться на Маше Копейко. И еще ему хотелось разыскать того пацана, что обзвал Машу ногастой уродиной, и дать ему в морду...

На следующий день, прямо во время урока математики, когда Калерия Викторовна принялась рисовать на доске график логарифмической функции, Лешка Савенков тоже подсунул Матвею какую-то тетрадку.

– Это что? – шепотом, чтобы не услышала Калерия Викторовна, спросил Матвей.

– Это для твоей газеты! – также шепотом ответил Лешка.

Матвей удивился: Савенков никогда не блистал литературными талантами. Он открыл тетрадь, прочитал заглавие: «Как я проходил „Черную пятницу“». И дальше: «Секреты первого этапа...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.